

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ИМЕНИ МАХПИРАТ**

ИСТОРИЯ ТУРАНА

**ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ**

№ 1

ТАШКЕНТ – 2004

ИСТОРИЯ ТУРАНА

Сборник. Часть I.

Для служебного пользования № 1-04

Общественно-исторический научный сборник
Института истории народов Средней Азии имени
Махпират. 2004 год.

Главный редактор доктор исторических наук
Хайдарбек Назирбекович БАБАБЕКОВ

Заместитель гл. редактора кандидат исторических наук Гавхар ФУЗАЙЛОВА

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Академик Ахмадали АСКАРОВ, доктор юридических наук Халим БАБАЕВ, доктор филологических наук Ахмаджан Куранбеков, доктор исторических наук Аблахад ХАДЖАЕВ, кандидаты исторических наук: Махмуджан САДЫКОВ, Сатимджан ХАЛБАЕВ, Абдухалык Аитбаев, Гулчехра АБРАРОВА, поэт Анвар Юнусов, генеральный директор акционерной компании «Matbuot tarqatuvshi» Рус-там КАСЫМОВ, Шомансуров Шоахрар, художник Зайниддин ФАХРУТДИНОВ, Якубджан ГАНИДЖАНОВ.

*****

Художники: Зайниддин Фахрутдинов, Салима Ширгалиева, Аскар Сулайманов, Мирхамид Сабиров.

*****

«Прочитав эмир письмо Катта-Тюри, долго молчал и затем горько заплакал и сказал:

- Ты – любимый нукер моего сына, которым меня на склоне лет наказал Аллах, за мои грехи. Ты видишь моё горе и мои слёзы, но сердце моё твёрдо и нет в нём прощения виновному, безумному сыну, а ты, как участник его преступлений, должен умереть!!.

Безмолвно лежал я на ковре и страдала душа моя от этих страшных слов.»

(На Башне Смерти.)

*****

«...правитель Наманганского вилаята попросил Холбиби назвать кандидатуру из числа присутствующих. Холбиби не раздумывая назвала свою кандидатуру. Все рассмеялись, но никто не смог отвергнуть её кандидатуру. Поэтому правитель Наманганского вилаята впервые за всю историю среднеазиатских ханств утвердил на должность мираб-баши женщину узбечку Холбиби.»

(Некоторые экологические вопросы...)

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Веселовский. Перстень-печатъ Мираншаха мирзы, сына Тамерлана	2
Д.Н.Логофет. На башне смерти	3
Женские истории	8
Х. Н. Бабабеков. Знаменитые среднеазиатские женщины и история	8
Трагическая история одной любви	9
Некоторые экологические вопросы в Кокандском ханстве или первая женщина узбечка - ирригатор Холбиби мираб-баши..10	
Ещё одна интересная, но неизвестная личность – Зиннат	12
Встреча пленницы - поэтессы Дильшад с кокандским ханом – поэтом Умарханом	12
Ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. (перевод Ш.Закирова).....	13
Источниковедение истории Узбекистана....	16
Документы на тюркском языке из архива внешней политики России	19
Почему ученики плохо знают историю Узбекистана?.....	22
Диссертация	25
Дневник экспедиционного похода к Ак-мечети В.В. Григорьева	26
Эйрие (Eyries). Живописное путешествие по Азии. Перевод Е.Корша.....	28
Абуль Фарадж. Книга занимательных историй. (Извлечения).....	30
Опубликованные произведения Института истории народов Средней Азии имени Махпират	30

*****

«С крепости, вследствие этого движения, открыли по нам сначала сильный ружейный огонь, а потом начали бросать огненные шары: говорят будто бы снаряд этот есть порох завернутый в кожу, которая крепко и толсто обматываются потом стеклядьёю или стружками, и со вставленною гранатою трубкою покрываются смолою.»

Дневник экспедиционного похода .

*****

(С) Институт истории народов Средней Азии имени Махпират.

К С Т А Т И:

О точности и правдивости содержания статей ответственны сами авторы.

Мнение автора могут не совпадать с мнениями членов редколлегии, однако их статьи должны соответствовать действующим Законам Республики Узбекистан о печати. Рукописи статей не рецензируются и не возвращаются.

ПАМЯТЬ АМИР ТЕМУРА

1
3
3
6

1
4
0
5

2004

**Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ
ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТЬ МИРАН-ШАХА
МИРЗЫ, СЫНА ТАМЕРЛАНА**

В 1885 г. мне довелось приобрести в г. Самарканде для Императорской Археологической Комиссии небольшую коллекцию местных древностей, среди которых оказался датированный перстень с именем Миран-шаха мирзы, третьего сына Тамерлана, правителя Азербейджана, признанного впоследствии сумасшедшим. До сих пор этот перстень оставался не опубликованным, несмотря на его исторический интерес и археологическую редкость, так как памятников подобного рода, относящихся к средневековому периоду мусульманства, вообще очень мало, а в России почти вовсе нет. И это тем более странно, так как таких памятников существовало в своё время много, потому что у восточных мусульман было усвоено обычаем прикладывать вместо подписи именную печать, которая часто заменялась перстнем. Ярлыки татарских ханов иногда скреплялись именным ханским перстнем, что называлось юзюк нишанлыг, а по русски передавалось: «с жиковиннымъ нишаномъ грамоту послалъ есми», или просто: «жиковиною (Жиковина – перстень, заменяющий печать.) запечатать»

Основную часть перстня Миран-шаха составляет щиток или вставка, исполненная из изумруда в виде тонкой пластинки миндалевидной формы, вся покрытая надписью, вырезанною наоборот, чтобы перстень мог служить вместо печати. Камень заключён в золотую оправу, повидимому современную

вставке, только кольцообразная дужка припаяна после, быть может в недавнее время; однако цвет золота дужка совпадает с цветом золота в оправе.

Миндалевидная форма (на Востоке: бодами от персидского слова б а д е м – миндаль) перстней и печатей является привилегией царственных особ; простые смертные были лишены права ею пользоваться. Эту форму мы видим не только в Средней Азии, но и в других местах; так, крымские ханы имели печати миндалевидной формы; её же присвоили себе ширинские беки, у которых, как известно была подобная ханской бадемы мугыр, т.е. миндалевидная печать. Но мы знаем, что ширинские беки, не в пример прочим бекам, пользовались исключительным положением и многое узурпировали из ханских прерогатив; у них в подражание ханам существовали свои калга и Нуреддин; понятно, что и форма ханской печати не ускользнула от их внимания; они ввели её в свой обиход, придавали ей большое значение и гордились ею. В Западном Туркестане порядки были строже, миндалевидная печать была только у ханов, и эта форма преобладает у золотых печатей хивинских ханов из ханской сокровищницы, конфискованной туркестанским генерал-губернатором К.П. фон-Кауфманом по занятии г. Хивы в мае 1873 года. Печати эти хранятся теперь в средневековом отделении Императорского Эрмитажа.

Надпись на перстне Миран-шаха содержит следующий текст: «Амир ул-умаро Озарбайжон Мирзо Мироншох бин Амир Сохибкирон Амир Темур Курагон. 802.» Т.е. «Эмир эль-омра Азербейджана мирза Миран-шах, сын эмира сахиб-кырана, эмира Тимура Гурекана. 802» (= 1399-1400 г. по Р.Х.)

Здесь прежде всего заслуживает внимание титул – эмир-эль-омра, т.е. эмир эмиров; такой титул впервые был введён в Джагатаевом улусе и относился к главному министру, который по власти и по рангу соответствовал темнику Золотой Орды. Стало быть Миран-шах, а значит и другие потомки Тамерлана, являлись в отведённые им области не в звании удельных князей и собственников, как можно было бы думать, а в качестве лиц чиновных, в роде генерал-губернаторов. Следует заметить, что в Зефер-Намэ Миран-шах так не титулуется, а постоянно называется э м и р - з а д э (амир-зода), что можно переводить: ц а р е в и ч. Во всяком случае перстень свидетельствует определённое, чем Зефер-Намэ, в каком звании Миран-шах вступил в управление Азербейджаном.

НА БАШНЕ СМЕРТИ

Выставленный на печати год 802-й гиджры (1399-1400 по Р.Х.) указывает, как будто, время, когда Миран-шах получил власть над Азербейджаном и другими провинциями; но Шереф-эд-дин относит это событие на семь лет раньше, именно к 795-му году гиджры. Его рассказ приводится здесь по рукописи Азиатского музея № в 568 (лист 235 recto), с вариантами из другой рукописи № а 568 (лист 200 recto et verso). Заглавие рассказа следующее: «Разсказ о передаче победоносным Сахибкыраном престола Хулагу-хана царевичу Мираншаху». «Милость царская назначила царевичу Миран-шаху области: Азербейджан, Рей, Дербенд, Баку, область Ширванскую, область Гилянскую с подвластными им (местностями) и пространство до Рума. Счастливый царевич привёз из Тебриза, Султании и других областей достойные дары и подношения, - какие и сколько, - превыше описания! Начав весёлый пир с устройства увеселений и торжеств, он провёл несколько дней в наслаждениях, светлой радости и удовольствиях... во вторник тринадцатого числа, снявшись оттуда, он (Тимур) послал царевича Миран-шаха в сторону Калаги»...

Известие об этом событии повторено Шереф-эд-дином ещё в другом месте (л. 290 verso), в главе: «Разсказ об отправлении споспешествуемым Сахибкыраном царевича Миран-шаха на управление Азербейджаном и на осаду крепости Аланджик».

«Его величество Сахибкыран престол Азербейджана и управление теми областями от Дербенда Бакинского до Багдада и от Хамадана до Рума поручил царевичу Мираншаху, как об этом уже выше упоминалось. Кто-то отправился, чтобы перевести в Азербейджан со всем лагерем военачальников и воинов из приближённых этого царевича, которые оставались в Хорасане. В это время вышел высочайший указ, чтобы царевич вступил в управление Азербейджаном и, кроме того, осадил крепость Аланджик»... Это упоминается под 798 г. гиджры (= 1395-6 г. по Р.Х.).

У Пти-де-ля-Круа это помещено в LXII-й главе II тома, стр. 390-391, с тою лишь разницею, что пропущена фраза: «как об этом уже выше упоминалось», вследствие чего без обращения к тексту можно было бы подумать, что Тимур в т о р и ч н о поручил управление Азербейджаном Мираншаху. Таким образом остаётся загадкой, почему на перстне Миран-шаха выставлен 802-год.

(Кауфманский сборник. Москва, 1910. С.229-237)

Мы поднимались через Дарвазские горы в восточной части бухарских владений.

С правой стороны, как будто уходя в небо, тянулась гранитная скала, около которой по узкому карнизу извивалась конная тропа, немного больше аршина шириною. Бесконечно глубокая пропасть мрачно чернела с левого бока, обдавая холодной сыростью могилы. Горы, одна выше другой, поднимались перед нашими глазами и, вырисовываясь огромным снеговым хребтом, закрывали весь горизонт, сливаясь с серыми тонами туч.

Высоко на небе клекотали орлы. Воздух был свеж и прохладен и налетавший порою горный ветер заставлял нас, отвыкших от холода, невольно ёжиться, кутаясь в бурки.

На краю горизонта с высокого перевала была видна широкая равнина, по которой, будто по топографической карте, извивался быстрый Пяндж, разлившийся несколькими рукавами, образуя целую систему островов. К востоку долина суживалась и далее река несла свои холодные воды по ущелью с почти отвесными крутыми берегами.

Один за другим, постоянно рискуя, поскользнувшись, свалиться в пропасть, двигались мы по карнизу. Вышина была страшная и дух захватывало при взгляде вниз. Порою из-под ног лошади вырывался камень и, увлекая десятки других, с шумом скатывался вниз и исчезал в бездне. Встревоженная грохотом падавших камней на мгновение показывалась стайка горных баранов и, перепрыгивая через расщелины, моментально скрывалась за скалами.

Солнечные лучи красиво освещали снеговые шапки гор, блестевших и искрившихся на солнце всевозможными цветами радуги. Иногда тропа делала крутой поворот, за которым, казалось, начинается хорошая дорога. Но ожидания не сбывались и вместо неё открывался овринг (висячий мост) с зыбкой, колыхавшейся настилкою. Брёвна, вбитые в расщелины скалы, подозрительно поскрипывали, как живые, заставляя даже привычных лошадей нервно вздрагивать перед дырами в настилке, сквозь которую виднелась страшная глубины пропасть. Глухой гул потока откуда-то далеко доносился снизу.

Скрепя сердце и покорившись судьбе, мы въезжали на эти висячие мосты, ежеминутно ожидая катастрофы.

Впереди, спокойно сидя на небольшой горной площадке ехал местный шах (Шахом

в горной Бухаре называется чиновник, вроде волостного старшины.), седобородый, библейского вида, таджик, служивший проводником. Сделав с раннего утра не больше двадцати вёрст, мы к вечеру уже едва держались на седлах от усталости, совершенно изнемогая, когда шах, выехав немного вперёд, сказал:

- Ну, тюря, сейчас отдыхать будем. Немного осталось до Мазара-Хаджи-Имама... Теперь пойдёт самая трудная часть пути, но зато дальше дорога отличная. Завтра можно с новыми силами проехать до Кала-и-Вама-ра...

Как-то невольно все, узнав о близости ночлега, подбодрились и стали подтягиваться. Лошади, почуяв воду, увеличили шаг. Но карниз становился всё уже и уже; с замиранием дыхания, слыша ясно удары собственного сердца, подвигались мы по его изгибам, стараясь не смотреть в эту страшную бездну, над которой проходила лошадь, держась за её края. Холодный ветер тянул по ущелью, куда мы, наконец, спустившись, остановились на небольшой площадке у берега ручья.

Старинный, сложенный из нетёсаных камней мазар был окружён несколькими огромными развесистыми чинарами. Громко журча и перекатываясь через скалы, извивался ручей со светлой водой, каскадами падая вниз в следующую расщелину.

- Здесь, тюря, стоять будем, - сказал шах и сейчас же, передав лошадь нукеру, снял с себя сапоги, присев у воды совершил омовение, после которого, разостлав на земле свой халат, долго стоял на коленях, тихо шепча слова молитвы.

Только что успели мы перекусить, как скрылось солнце и разом в ущелье настала ночь. Звёзды, скрытые до того как будто покрывалом, теперь ярко заблестели на небе. Огонь костра освещал лишь небольшое пространство площадки, а дальше всё тонуло во мраке. Усталые люди же спали крепким сном, но я не мог заснуть.

Карнизы, пропасти, ужасные мосты мерещились мне, отгоняя дремоту.

Старый шах, присев недалеко от меня, разбирал что-то в своих хуржумах, бормоча себе под нос. Привыкшему к таким дорогам старику не спалось.

- Что, тюря, не спишь? – наконец обратился он ко мне, видя, что я закурил папиросу. Дух не спокоен, оттого и не приходит к тебе ангел сна. Здесь всемогущий Аллах поставил эти огромные горы и слаб человек, слабее трав на них растущих перед Его силою. Ал-

лах же даёт крепость душе человека. Но всё же нужно привыкнуть к этим горам и ехать с молитвою, а сначала горы эти всегда страшны, - задумчиво заговорил он, мешая палкою в огне костра.

- Но, тюря, что эти горы; высота их заставляет биться сердце непривычного человека, а всё-таки он знает, что лишь одна редкая случайность может сбросить его вниз с этой высоты в пропасть. Гораздо хуже и страшнее, когда знаешь, что через несколько минут тебя сбросят с такой же страшной высоты другие люди, и тело твоё, упав на камни, разобьётся внизу, оросив их поверхность своею кровью. Тогда дух замирает и душа, разставаясь с жизнью, страшно тоскует, мешая даже молиться...

- Ты в своей долгой жизни испытал, вероятно, что-нибудь тяжёлое? Мне не хочется спать, расскажи пожалуйста, - обратился я к старику.

Мой собеседник долго молчал, собираясь с мыслями; наконец, сев передо мною и, глядя в темноту ночи своими задумчивыми глазами и как будто видя перед собою далёкие картины забытого прошлого, он заговорил:

- Много прошло времен, тюря, почти соток лет, а я всё так же хорошо помню, как будто это было вчера...

Служил я нукером у тюря-джана Абду-Малик-хана (сын эмира Музаффар-хана) ещё мальчиком взяли меня к нему во дворец и постепенно, год за годом, я вырос и сделался смелым и храбрым джигитом. Вынашивал я соколов Катта-Тюри (наследник престола), держал его коня, ездил у его стремени и спал как верная собака у порога его комнаты, оберегая его покой. И любил меня Катта-Тюря, награждал за службу. Прислушивался я к разговорам старых людей и сам приходил в разум. И так хорошо и весело шла моя жизнь. Но видно не судьба была мне прожить её тихо, Аллаху угодно было погрузить меня в пучину житейских бурь, дав испить до дна всю огромную горькую чашу несчастий...

Давно уже у нас везде по базарам ходили слухи, что урусы двигаются к Самарканду – священному городу правоверных. Говорили также, что сарбазы эмира не могут осилить урусов, которые знают такое слово, что победа всегда остаётся за ними и, кроме того, им помогает сам шайтан. Мало верили этому наши люди, пока не приехал однажды гонец и не сообщил, что урусы взяли Самарканд, Катта-Курган и идут на Бухару, а эмир больной и старый покорился им и заключил

мир...

Много было всякого народа около Катта-Тюри, много советников, много верных слуг, но больше всех слушал он старого муллу Азада из Каршей.

Строгий был мулла – всё время Аллаху молился о победе и зубами скрипел, когда слышал про неудачи и поражение наших сарбазов. Стал он приходиться часто к Катта-Тюре для молитв и много тайных разговоров с ним вёл, запершись, с глазу на глаз в помещении. Потом какие-то люди приезжали к нам по ночам в курган. Но только я ещё ничего не понимал, пока один раз ночью не разбудили меня и все мы узнали, что Катта-Тюря идёт войною на урусов. Эту ночь я никогда не забуду. Весь город как будто сбесился. Мулла читал молитвы. Народ разложил костры по улицам и на площадях; воздух оглашался возгласами, призывавшими имена святых и просивших победу. Дервиши бичевали себя так сильно, что лилась кровь ручьями, орошая землю, и все призывали на помощь Пророка и его четырёх друзей. Я думаю, что их крики наверное должен был слышать Аллах, и Мухаммед, и Али – Лев Аллаха – треск барабанов, звуки труб и пение стихов Корана наполнял окрестности.

На утро к большому знамени Катта-Тюри стали собираться люди. Тут были все наши старые, верные сарбазы и нукеры. На быстрых своих конях пришли с великой Аму-Дарьи туркмены, кара-киргизы из далёкой Ферганы, афганцы из под Герата и даже воинственные текинцы из под Мерва.

Много, очень много было войска и весёлая началась у нас жизнь...

При звуках музыки и выстрелов из пушек, одетых в лучшее платье, вышли мы в поход. Но видно не угодны были Аллаху молитвы наших мулл и, встретясь с войсками урусов, не смотря на храбрость всех людей, мы потерпели поражение около Каршей и принуждены были искать спасения в бегстве, вверив судьбу свою быстроногим коням. Этот день, тюря, был тяжёлым днём. Я первый раз был в бою, возя большое знамя Катта-Тюри. Грудью своей мне пришлось не раз закрыть Катта-Тюрю от ударов сабли уруса.

В глухую ночь затем долго скакали мы по степям с небольшим числом нукеров. И лишь тогда я узнал, что Абду-Малик-хан преступил волю отца своего и пошёл войною и против урусов, и против эмира. Но всё же на утро, когда укрывшись в недоступном ущельи, мы перевязывали свои раны и счи-

тали потери, меня позвал к себе господин мой и сказал:

- Мухаммед-ша! – Я, тюря, ша по рождению, так как принадлежу к благородному роду.

- Ты – мой верный нукер, возьми лучшего коня и скачи как ветер в Бухару, где отдай это письмо близким людям великого эмира – отца моего, пусть они представят моё писание к светлым очам повелителя народов...

Никогда я прежде не видал эмира Бухары Музаффар-хана; слышал лишь, что на всей земле нет государя сильнее и могущественнее его и всё земное трепещет и склоняется перед ним. За крепкими высокими стенами священной Бухары стоит его дворец, где сидит он на золотой тахте, осыпанной алмазами и драгоценными камнями и окружённый святыми муллами читает Коран и решает дела всего мира по Шариату.

Быстроногий мой конь в два дня донёс меня до Бухары, миновав благополучно все отряды урусов, разсыпавшихся по всему краю, и пули урусов не раз свистели мимо моих ушей. Со слезами и молитвой целовал я прах на улицах священного города и как червяк лежал на земле в то время, когда меня привели перед лицо великого эмира Бухары Музаффар-хана.

Прочитав эмир письмо Катта-Тюри, долго молчал и затем горько заплакал и сказал:

- Ты – любимый нукер моего сына, которым меня на склоне лет наказал Аллах, за мои грехи. Ты видишь моё горе и мои слёзы, но сердце моё твёрдо и нет в нём прощения виновному, безумному сыну, а ты, как участник его преступлений, должен умереть!!

Безмолвно лежал я на ковре и страдала душа моя от этих страшных слов. А тень Пророка на земле, повелитель правоверных, замолчав, долго сидел задумавшись, совершенно забыв обо мне, ничтожестве, присмыкавшемся у его ног. Затем он взглянув на меня, встал и вышел из комнаты. Я же остался в страхе и смертельном ужасе, ожидая казни, и в это время где-то недалеко – с ближайшей мечети возгласили «Аллах, Акбар, Нет Бога, кроме Бога и Мухаммед Его Пророк». И невольно мой страх на время как будто рукой сняло, ибо я понял, что иду на казнь во славу Аллаха, погибая за участие в войне с неверными, и, видно, в то же время смягчил Аллах сердце эмира, потому что он вновь пришёл и, видя меня лежащим, сказал:

- Встань раб! Не настал ещё час твоего конца. Судьба не сказала своего последнего слова о твоей жизни...

Я встал на колени и поцеловал полу халата повелителя и тут, тюрю, я заметил, что не только страдает душа эмира, но так же болеет его старое немощное тело.

И сам с собой стал говорить эмир:

- Хотел я закончить свою жизнь в тишине, но вместо этого послал мне на склоне дней моих Аллах великое испытание. И я его выпью до дна, - а затем пойду в Мекку. Поклонюсь Каабе, чёрному камню, который Аллах ниспослал людям с неба на землю. Поцелую этот чёрный камень и снимет Аллах камень с души моей. Выпью святой воды из золотого сосуда, висящего в воздухе над могилой Пророка, омоюсь ею и буду здоров.

Женщину слушать – ветер слушать!!

Я виноват, что послушал свою жену, мать моего первенца Абду-Малика, и не призвал его к себе вовремя; по её же совету я начал войну с урусами и теперь поэтому все несчастья обрушились на мою бедную старую голову...

Живи пока, раб, и ожидай своей участи! Сурово опять обратился ко мне эмир и сделал знак рукою, чтобы я удалился.

Много дней потом прошло, а я всё жил во дворце с людьми эмира, сторонившимися от меня, как от прокажённого, не зная, когда судьба прервёт нить моей недолгой жизни. Но наконец меня позвали к эмиру и я решил, что настал мой час. С трепетом вошёл я в то же помещение и дерзнул бросить взгляд на наместника Пророка. Сжалось моё сердце от жалости, когда я увидел лицо старого эмира, на котором тяжёлый недуг положил свою печать.

- Я хочу тебя послать к сыну моему Абду-Малику – господину твоему, - тихо сказал эмир, задыхаясь.

- Быстрее ветра скачи в далёкую Хиву, не отдыхая ни днём ни ночью. И милость моя будет над тобою, если ты исполнишь моё поручение, чтобы о нём не знала ни одна душа кроме меня и первенца моего Абу-Малика, имя которого произносить для меня так тяжело...

- Всё исполню, что прикажешь хазрет, - ответил я... Но повелитель мой... Для тебя я ничтожество, на которого да упадёт благосклонно твой ясный взор Великого Льва, с алмазным сердцем. Для меня же немилость, блистающая в твоих очах, страшная невыносимая мука. Я прах ног твоих, я жалкая тень твоя... Жизнь моя принадлежит тебе и я всё сделаю, что ты прикажешь и что только в силах сделать человек с твёрдым сердцем и смелой душою...

Поднял тогда Музаффар-хан на меня взор свой и только что хотел что то сказать, как громко вскрикнул и упал навзничь на ковёр. Кинулся я поддерживать хазрета, но не успел, а когда нагнулся над ним, уже тени смерти пробежали по его бледному лицу и я потом своей рукою закрыл ему глаза.

Долго я сидел у тела эмира, подавленный происшедшим и не было у меня силы встать и уйти позвать. А люди и стража ходили в это время около помещения, не смея без зова войти внутрь его...

Успокоившись немного, я вышел и, закрыв за собою двери, пошёл по двору глубоко задумавшись и никому ничего не говоря о происшедшем. Не понимаю до сих пор почему, но мне казалось, что кто то положит печать молчания на мои уста. Тихо так было всё в садах и луна своим мягким светом освещала густые деревья, оставляя лишь в тени пространство под их листвою. Я думал об эмире Бухары, ушедшем в иной мир, я думал о нём всё время.

И ты, тюрю, наверное поймёшь мой ужас, когда из-за листвы растений вдруг на дорогу вышел и стал передо мною сам умерший только что эмир...

О, тюрю, я закричал диким голосом и упал на землю, лишившись чувств. Не помню каким образом затем я очутился в каком то помещении и когда очнулся, то опять увидел эмира, сидящего невдалеке и державшего в руках письмо...

- Должно быть случилось что-нибудь особенное если ты осмелился нарушить в ночное время своим криком покой нашего повелителя эмира, - сказал этот второй эмир, обращаясь ко мне...

- Отвечай сейчас же всю правду, иначе клянусь бородою Пророка и своими словами Астанакула-Парвоначи (Астанакул родной брат эмира Музаффар-хана, умерший в 1906 г., был куш-беги в Гисаре.), я вырву твой язык и заставлю тебя говорить...

Тут, тюрю, мой страх стал проходить. Живя далеко от двора, я никогда не видал, но слышал, что у эмира Музаффара есть брат Астанакул-Парвоначи, похожий на него как две капли воды. Астанакул этот самый был передо мною.

Несвязно рассказал я ему про смерть эмира и, упав в ноги, просил прощения, считая, что последние слова его ко мне были причиною его смерти.

Задумался Астанакул-Парвоначи.

А потом спросил: и никто кроме тебя не знает, что эмир умер?

Bu tanishuv parchasidir. Asarning to'liq versiyasi <https://kitobxon.com/uz/asar/3152> saytida.

Бу танишув парчасидир. Асарнинг тўлиқ версияси <https://kitobxon.com/uz/asar/3152> сайтида.

Это был ознакомительный отрывок. Полную версию можно найти на сайте <https://kitobxon.com/ru/asar/3152>